

А. И.
КУПРИН

Избранное



Александр Иванович Куприн

СНЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477075

Аннотация

«В раннем детстве меня посещала очень странная греза. Это случалось тогда, когда я подолгу глядел из окна на улицу. Бежали люди туда и сюда, встречались, мелькали мимо друг друга, останавливались, улыбались, размахивали руками; грохотали извозчичьи экипажи, с понурыми послушными лошадьми, со сторбленными извозчиками на козлах; женщины, мужчины, дети, собаки – все это беспрерывно текло и текло целыми часами по улице...»

Содержание

I	4
II	6
III	8
IV	11

Александр Иванович Куприн СНЫ

I

В раннем детстве меня посещала очень странная греза. Это случалось тогда, когда я подолгу глядел из окна на улицу. Бежали люди туда и сюда, встречались, мелькали мимо друг друга, останавливались, улыбались, размахивали руками; грохотали извозчицьи экипажи, с понурыми послушными лошадьми, со сгорбленными извозчиками на козлах; женщины, мужчины, дети, собаки – все это беспрерывно текло и текло целыми часами по улице.

И тогда мне начинало казаться, что люди только притворяются такими озабоченными, торопливыми, равнодушными и чужими – притворяются потому, что не помнят, забыли о чем-то самом главном, громадном и торжественном. И я думал: вот-вот оно наступит. Сразу, в один невообразимо короткий момент пронесется по всему миру одна и та же чудная, забытая мысль, – и сразу все остановится. Люди, животные, дома, камни, облака на небе – все, все, – живое и неживое, с изумлением встрепенется, замрет, замолкнет и при-

слушается. И тогда высоко над миром ясно раздастся труба архангела, призывающая к Страшному суду.

С трепетом в детском сердце, со страхом и с глубокой верой ждал я чуда. Ждал до тех пор, пока вдоль по темной улице не протягивались двумя золотыми цепями огни фонарей.

II

Был у меня также один страшный сон, повторявшийся почти каждый месяц и мучивший меня.

В темной голой комнате томится несколько человек, раздавленных ужасом, дрожащих, обессиленных. Я тоже с ними. Некоторые из нас сидят вдоль стен, по углам, и, обхватив руками угловатые колени, медленно качаются взад и вперед. Другие рвут на себе волосы. Иные ходят взад и вперед, избегая друг друга при встречах уклончивыми движениями, движениями зверей, запертых в клетку.

Но ни одного слова, ни одного звука не произносят наши губы, оледенелые от ужаса. Глаза наши, не отрываясь, устремлены, точно прикованы невидимыми нитями к тому месту в стене, где находится дверь. Время от времени она отворяется, и тотчас же один из нас, без зова, покорно, низко опустив голову, идет и исчезает за дверью. Дверь опять закрывается.

Но на минуту мы все видим огромную комнату, залитую багровым светом, в котором мечутся бледные, измученные тени, слышим крики боли и отчаяния и, наконец, видим его – Палача! Он стоит неподвижно, огромный, сильный и серьезный, красное платье тесно обтягивает его мускулистое тело, его широкое лицо бледно. Это – Палач, и так его зовут потому, что у него нет другого имени.

Закрывается дверь – и снова темница и ужас. Я знаю, что сейчас придет и моя очередь. В смертельной тоске я хватаюсь руками за голову и шепчу:

– Нет... не может быть... Это сон, это только сон. Я сейчас проснусь!..

Но я не просыпаюсь и опять думаю, весь холодея и дрожа от страха:

«Если бы я спал, то не думал бы о том, что сплю. Все это живая, настоящая действительность: эти отчаянные, безмолвные фигуры, кровавая комната. Палач, ожидающий меня... Смерть!»

Открывается дверь. «Моя очередь», – думаю я и покорно встаю, чувствуя ужас каждой частичкой своего тела. Широкое, бледное лицо Палача поворачивается ко мне. И тогда я просыпаюсь.

III

Но теперь все чаще и чаще снится мне земля – это огромное живое ядро, которое, вращаясь, летит стремительно в какую-то черную, бесконечную, безвестную бездну, летит, повинуюсь точным и таинственным законам. И кругом земли – тьма, густая, красная тьма, насыщенная испарениями крови и запахом трупов. Это навис и сгустился над нею страшный, липкий кошмар, и она стонет и мечется во сне и не может проснуться.

Вижу я свою бедную, прекрасную, удивительную, непонятную родину. Вижу ее, точно возлюбленную женщину, – обесчещенной, изуродованной, окровавленной, поруганной и обманутой. Вижу ее неизмеримо громадную, от Ледовитого океана до теплых морей, от Запада до сказочного Востока, и вся она в зареве пожаров, вся залита кровью и усеяна трупами, вся содрогается от стонов и проклятий. Кровавый сон ходит над нею, и в этом сне озверелые шайки с хохотом убивают женщин и стариков, разбивают головы детей о камни мостовой, и в этой красной мгле руки людей дымятся от крови.

Я вижу, как повсюду простираются исхудалые руки и как сухие, искривленные рты беззвучно вопят:

– Хлеба!

– Терпите! – отвечают им одни.

– Молчите! – кричат другие.

Я вижу людей с телами, иссушенными огнем, с руками, подорванными непосильной работой, людей с разбитой чахлой грудью.

– Наш труд – проклятие, не хотим рабства! – слышу я их беззвучные вопли.

– Терпите! – отвечают одни.

– Молчите! – кричат другие. – Терпите рабство – или смерть вам и щенятам вашим.

И вижу я также сытых, изрыгающих обильную пищу, которая не вместилась в желудках их, и вижу недоверчивых, что прячут от голодного недоеденную корку хлеба, и вижу рабов, убивающих по неведению, и вижу трупы мучеников попранными и оплеванными.

И тогда-то мне начинает казаться, что скоро проснется окровавленный мир. Чудится мне, что однажды ночью или днем, среди пожаров, насилия, крови и стонов раздастся над миром чье-то спокойное, мудрое, тяжелое слово – понятное и радостное слово. И все проснутся, вздохнут глубоко и прозреют. И сами собою опустятся взведенные ружья, от стыда покраснеют лица сытых, светом загорятся лица недоверчивых и слабых, и там, где была кровь, вырастут прекрасные цветы, из которых мы сплетем венки на могилы мучеников. Тогда вчерашний раб скажет: «Нет больше рабства». И господин скажет: «Нет в мире господина, кроме человека!?» А сияющая, пробужденная земля скажет всем ласково: «Дети!

идите к сосцам моим, идите все, равные и свободные. Я изнемогаю от обилия молока».

IV

Я верю: кончается сон, и идет пробуждение. Мы просыпаемся при свете огненной и кровавой зари. Но это заря не ночи, а утра. Светлеет небо над нами, утренний ветер шумит в деревьях! Бегут темные ночные призраки. Товарищи! Идет день свободы! Вечная слава тем, кто нас будит от кровавых снов. Вечная память страдальческим теням.

1905